Биографическое имя: Гаврилова Татьяна Никоноровна. Родилась 28 июня 1981 года в г. Кемерово. В 2003 году окончила юридический факультет КемГУ. В настоящее время работает юристом в ПАО «МДМ Банк», живёт в г. Кемерово. Повести и рассказы публиковались в журналах «После 12», «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», В 2007 году вышла книга повестей «Солнце» Член Союза писателей России.

Татьяна Ильдимирова
г. Кемерово

Нежность

(рассказ)

I

За окном трамвая, исчерченным вчерашним дождем, улетали в переменно-облачное небо полужелтые листья. Как скоро пролетело лето, звякал трамвай, словно чайная ложка о стакан. У входа на рынок царила цветочная толчея – в первый раз в первый класс — торговали школьными астрами, из ведерок любопытно торчали их лохматые головы.

Вслед за листьями в небо уходили трамвайные рельсы. Постепенно они поднимались выше троллейбусных проводов, тонких, как струны, выше верхушек тополей и крыш домов, туда, где небо переставало быть плоским и теряло едва уловимый утренний звон.

Трамвай принялся медленно набирать высоту, и внутри стало щекотно, будто нос был полон цветочной пыльцы. Кондукторша, вцепившись в поручень, громко и настырно требовала заплатить за проезд или предъявить

проездной. Если потереть запотевшее стекло — за окном другой трамвай маршрута номер пять, ярко-веселый и ярко-красный (как поролоновый клоунский нос), скользил по рельсам, невидимым, проложенным через все небо неведомой рукой.

Ватным небом плотно заложило уши. Приоткрыв глаза, я столкнулась взглядом с потухшей надписью «Пристегните ремни».

Шел второй час полета. Из иллюминатора виднелся край самолетного крыла, где-то внизу на земном шаре густо нарисованы были реки и горы, невидные под пушистым небом. Планета медленно и безразлично плыла под подошвами. Голос стюардессы был звонок и предлагал на выбор мясо, рыбу или курицу. Вслед за голосом тянулись шуршание, покашливание, звуки потягивания оживших человеческих тел в неудобных креслах, освобождения запахов съестного от подогретой фольги.

Пройдет еще час, и трап будет испуганно подрагивать под затекшими ногами. А до этого сообщат погоду, и всем в самолете сразу же станет немного зябко. А до этого (или после?) легкий толчок — шасси коснулись земли, громким становится свист ветра, обнимающего такой маленький в сравнении с небом самолет. Укол страха в подвздошье. Вздохи облегчения, аплодисменты. Не вставать с места до полной остановки самолета, и все равно же все полезут наверх за вещами. И толпиться в проходе – после трех часов полета приятно стоять.

Скоро я пересеку двор, который до сих пор по старой привычке называю нашим. Колесики чемодана будут увязать в листве, набрякшей росистой влагой. Качели, лысоватые кусты сирени, остатки хоккейной коробки, кирпичная трансформаторная будка. У нее прыгали в козла, и еще одна игра была похожая: куколка, балетница, воображуля, сплетница. Мы уехали отсюда восемь лет назад, а стрелки на асфальте — казаки-разбойники — так и не стерлись.

В подъезде наверняка идет (стоит) извечный ремонт; сыро, несъедобно пахнет штукатуркой. Дома же бабушка, круглая и теплая, жарит пышные оладьи. Она обидится, если я съем меньше дюжины. А неспящий дед, наверное, сидит на диване в любимой клетчатой пижаме, весь в ожидании утреннего самолета.

Дедушка Аркадий – виновник нашего приезда. Он во второй раз придумал умирать. Эта мысль уже приходила в его бедовую голову в прошлом году. Телефонные звонки бабушки несли через всю страну тревогу, но, прибыв в спешке, мы с мамой нашли деда в постели – чистого, свежего и с радостным блеском в глазах. Разукрасив жизнь нашим скоропостижным приездом, дед поднялся на ноги, слегка ослабшие от постельного режима. Мы гостили у стариков несколько дней, своей беззаботностью похожих на школьные каникулы.

Так мы встретили с ними прошлый Новый год. Дорога прошла в страхе, потому что за несколько дней до бабушкиного вызова позвонил сам дед, и его голос послышался мне высохшим. Помню, как я отстала, чтобы завязать шнурок, и застыла на лестничной площадке, боясь идти дальше. Прижималась лбом к холодному оконному стеклу, которое пахло хвоей, и растаявшим снегом, и пеплом. Я была в те топкие, как болото, минуты слабой (дорожную сумку не поднять) и маленькой (чуть выше подоконника, если встать коленями на радиатор).

Все обошлось тогда, и теперь обойдется тоже. Я знаю это наверняка.

Планета проплывает подо мной; такая дрожь внутри, что стынут пальцы рук. В иллюминаторе купаются облака, редко выныривают из-под ваты нитки рек и желто-зеленые лоскутки. Виталий Алексеевич, я снова думаю о Вас. Это чувство похоже на мелодию, которая продолжает звучать, когда закончился концерт, а музыканты разошлись по барам, бабам и домам. Я живу хорошо, даже замечательно, но вдруг – всегда вдруг – занозой в сердце

впивается ощущение того, что я не с Вами и от Вас далеко (каждый километр – во мне, холодный и острый, как циркуль).

Приземлившись, я буду никакая, как выжатый чайный пакетик. Зато вечером, когда усталость замнется в дремотных складках кровати, взамен придет желание говорить-говорить-говорить. На меня будут смотреть с тихой, безусловной любовью, от которой я уже успела отвыкнуть. Сейчас, в самолете, мне немного стыдно думать об этом.

Наверняка мы будем играть в излюбленные игры деда из моего детства – домино, лото, «Эрудит». Может быть, достанем Монополию. Довольный дедушка по-барски развалится в кресле. Я уже чувствую, как уютно пахнет лимоном и жасмином зеленый чай в знакомой чашке. Можете мне не верить, но в других чашках не бывает такого вкусного чая. Новые обои будут непривычны, но, конечно, я скажу, что все мне нравится.

Когда наступит почти ночь и все заснут, я наконец-то наберусь смелости и закроюсь в ванной с телефоном. Наберу Ваш номер и буду считать гудки со страхом, что никто мне не ответит, и с такой же в точности надеждой.

После четвертого гудка я услышу Ваш голос и скажу:

– Доброй ночи, Виталий Алексеевич, это Лара.

***

Я не была в нашей школе тысячу лет. Целых десять. Недавно мне в очередной раз приснилось, как я бегу по пустым школьным лестницам. Бегу и бегу, словно этажей не четыре, а в четыре раза больше. Вниз, прыгая через две ступеньки, и вверх, галопом, подгоняемая сквозняками, и снова вниз, и по длиннющему переходу, и вновь по лестницам, запутанным, как наушники в кармане. То к запасному выходу, где, как и прежде, ядовито и сизо накурено, то к наглухо заколоченной двери чердака, пока

под языком не делается колко. Школа почти пуста, ступени пахнут сырой тряпкой, издали доносятся плеск тряпки в ведре и глухое ворчание уборщицы.

Как только я останавливаюсь передохнуть, к моим ногам планирует самолетик из тетрадного листа. Это записка, и я знаю, что в ней написана гадость обо мне; читать не буду – незачем. Я убегаю от нее по лестнице вверх, из предыдущих снов зная, что между третьим и четвертым этажами мне встретится завуч Евгения Михайловна (она же Евгеша), прикрикнет скрипуче – чего носишься как угорелая? – и я вцеплюсь в перила, я сожмусь до роста себя - пятиклассницы, такая-сякая: стихотворение не выучила, сменку забыла, через козла прыгать не получается.

Тогда я еще не догадывалась, что случится через несколько лет, когда Евгеша первой узнает обо всем. Та самая Евгеша, длинная, сухая, как осеннее дерево; очки неловко притулились на переносице. Она носила мужские ботинки, одевалась в цвета осени, которые решительно не шли ее бледному вытянутому лицу, и изо дня в день увешивалась бусами из самоцветов, пытаясь претендовать на звание первой красы учительской. Любила биологию в виде кабинетного аквариума и комнатных растений и не шибко привечала своих учеников, а особенно – учениц. Каждый ее урок в пятых классах начинался с того, что несколько девочек отправлялись в туалет смывать ресницы. Со старшеклассниками все было куда интереснее: уловив на уроке амурные флюиды, Евгеша вставала в стойку, как охотничий сеттер, дружелюбно улыбалась и во всеуслышание изрекала что-то вроде: «Ларионов, чудо мое, хорош пялиться на Сойкину! Она, конечно, девочка красивая, но ей родители все равно кого получше найдут». Класс гоготал довольно и подобострастно.

Знаете, однажды я увидела ее в кинотеатре. Тогда шел «Титаник», и трудно было найти девочку, которая бы не утирала слезы под переливы песни Селин Дион. Как

оказалось, не устояла и Евгеша. Я заметила ее в туалете после сеанса, где она, сняв очки, сморкалась и пудрила перед зеркалом унылый покрасневший нос. Я рассказала об этом Саньке, и мы хохотали вместе, но на душе было пакостно.

***

Виталий Алексеевич, Вы помните Саньку? Она красила пряди у лица в розовый цвет тушью для волос, ногти – черным лаком, носила тяжелые ботинки, узкие джинсы и дурацкие майки-балахоны. Читала фэнтези, бегала на рок-концерты местных групп, писала стихи о любви и смерти, год увлекалась каратэ и однажды сломала нос парню, который некстати распустил руки. В школу она приходила в образе девочки-припевочки с аккуратной прической, в юбке, закрывающей колени, и со сделанной домашкой. Ее любили все учителя, даже Евгеша к ней благоволила. Особенно Саше давались точные науки, и по химии у нее были одни пятерки. На контрольных она решала оба варианта – и за себя, и за меня. Вы делали вид, что ничего не замечали, или Вам было все равно? Антипова Саша – пять, Остапенко Лариса – пять. Молодцы, девочки, продолжайте в том же духе.

Санька теперь живет в Москве и собирается в скором времени перебраться в Швецию. Наша дружба переехала в социальную сеть и стала пресной и жиденькой, как суп из школьной столовой. Иногда мы обмениваемся короткими сообщениями в фейсбуке: как дела – отлично – едем в отпуск на Сицилию – поменяла работу – была у родителей, они передают тебе привет – тебе идет стрижка – с днем рождения! любви! – спасибо, дорогая. Машинально ставим лайки на картинки с котятами и отпускные фотографии: Санька в бикини на берегу Эгейского моря, я - в той же позе по щиколотку в средиземноморском раю; Санька с мужем поедают лобстеров (муж старше ее не меньше, чем на десять лет, небрит и могуч, как викинг, с

татуировкой на плече), я позирую на фоне древних руин; свадебная фотосессия Саньки – триста фотографий со свежеиспеченным мужем у памятников, у мужа на руках, в лесу, у фонтана: пышное платье до колен, лицо, не меньше часа рисованное визажистом, и пьяные от счастья глаза.

Однажды, когда я была в командировке, мы с ней встретились и посидели часок в «Шоколаднице»; я выпила две чашки кофе и коктейль – говорить было особо не о чем. Похвастались каждая своими успехами, обменялись парой комплиментов, вспомнили что-то незначительное из школьных лет – все, как на встрече выпускников.

А ведь когда-то я любила Саньку и страшно ревновала к другим ее друзьям. Я по-дурацки привязывалась к людям, а Санька была моей единственной школьной подругой. Мне хотелось плакать, если иногда она хотела сесть за парту с другой девочкой, а стоило ей пропустить школу, как весь день без нее делался унылым и зряшным.

Помню, как я однажды призналась ей: «Мне Виталий Алексеевич очень нравится»

Это было во время дежурства. Отбывая трудовую повинность, мы по очереди лениво елозили шваброй по полу, попутно собирая шпаргалки, пустые стержни от ручек, огрызок яблока и прочую ерунду, и оттирали зубной щеткой черные полосы, оставленные на линолеуме взрослыми каблуками наших одноклассниц.

– Мне тоже, – ответила Саша, с отвращением выжимая в ведро склизкую тряпку, - Он клевый. Жаль, что такой взрослый.

Тогда нам было по пятнадцать, Вам – двадцать семь.

– Когда-нибудь мне будет двадцать, а ему – тридцать два. Это нормально! У моих родителей такая же разница в возрасте и ничего.

– Все равно это много, – уперлась Санька. – Через десять лет у него уже будут борода, жена и двое детей. Может, даже начнет лысеть. Фу! Представь себе Виталика

лысым! Будет чахнуть над какой-нибудь диссертацией, такой противный, занудный профессор кислых щей.

Не знаю, Виталий Алексеевич, поверите ли Вы мне, но больше я никогда не рассказывала Саньке о Вас. Все, что случилось после, было моим сокровенным, не допускающим свидетелей, которые запросто, пусть и не со зла, могли бы охать, удивляться, посмеиваться, сплетничать, убеждать, что я чувствую неверно – и все испортить.

***

Недавно один из моих приятелей (пятничными вечерами в нем просыпался доморощенный философ) спросил меня алкогольным голосом: «Чего ты вообще хочешь от жизни?» Когда такое спрашивают, всегда хочется отшутиться: «Шубу» или «Мира во всем мире». Тогда я сказала нечто банальное – кажется, про семью и детей. Ему не нужна была моя честность. А Вам я могу сказать правду.

Мне нравится моя жизнь, спокойная и правильная. Иногда я иду вечером с работы по аллее, и внутри все замирает от тихого благодарного счастья, когда я смотрю на оранжевые шары фонарей в осенней мороси или танцующем снегопаде: издали кажется, будто они парят в воздухе, а жизнь становится вкусной, как в детстве – петушок на палочке. Порой мне остро не хватает одиночества: в мире, в котором есть вай-фай и мобильные телефоны, сложно в полной мере наслаждаться уединением. А бывает наоборот – недостает ощущения, что моя душа принадлежит другому человеку. Мне хочется, чтобы снова мне кто-то понравился до головокружения, до мурашек, до желания кричать от радости: так, будто мне снова семь лет и я прыгаю на пружинистой кровати, вынесенной во двор, или словно несусь к морю со всех ног, чтобы сидеть в воде до посинения.

Вот, например, одно из подобных воспоминаний (налетает – и сердцу тепло).

Ранняя осень: сухая, нагретая, все еще летняя.

Мы учились в первую смену и после уроков всегда шли гулять. Покупали в буфете чего-нибудь попить, жареные пирожки, большую шоколадку на двоих и шли на набережную. Я тащила в руках новое красное пальто, которое хотелось надевать каждое утро, хотя днем солнце еще поддавало жару. На набережной мы находили свободную скамейку, съедали пирожки, запивали теплой колой (вспоминаю - и начинает болеть живот). Потом, медленно посасывая дольки шоколада, оставляющие сладкие следы на пальцах, слушали музыку в плеере. По наушнику каждой. Queen, или Pink Floyd, или Romantic Collection, или сборник «Волшебный саксофон». Или кассеты, которые давал послушать Санин сосед-байкер – нам редко нравилась эта музыка, но Санька слушала, от старания закрывая глаза, словно через маленький наушник можно было узнать и понять про этого соседа что-то важное.

Солнечно и легкомысленно. Речной ветерок щекочет лицо. В воздухе маняще пахнет жареной кукурузой и началом листопада.

– Здравствуйте, девушки! – услышали мы.

– Здравствуйте, Виталий Алексеевич, а мы вас и не заметили! – воскликнула Санька.

– Гуляете? Отдыхаете от трудов праведных?

Мы кивнули.

– Что слушаете? – спросили Вы.

– Пинк Флойд, – сказала Саня. – Вам нравится Пинк Флойд?

– Хорошая группа. Любите классический рок?

– Очень. О! Виталий Алексеевич! – встрепенулась Саня. – А вы что советуете нам послушать?

Призадумавшись, Вы ответили:

– Тори Эймос, например. Знаете такую?

– Нет. А что это за музыка?

– Хорошая музыка. Скорее всего, вам понравится. Кстати, Саша, вам очень идет эта стрижка.

– Спасибо, – зарделась Саня и поправила волосы.

– Ну, счастливо. Да, Лариса! – Вы остановились и повернулись ко мне. – Подготовьте последнюю тему, я завтра вас обязательно спрошу.

Поиски хорошей музыки тогда, до эры победившего интернета, были делом сложным. Кассеты подолгу искали в ларьках, записывали с радио, по ночам карауля нужную песню, переписывали друг у друга, пока пленка не начинала подхрипывать, морщиться и заедать. Я нашла кассету Тори Эймос только через два месяца, слушала ее в наушниках ночью под одеялом по два-три раза и представляла, что держу Вас за руку, а мое сердце переворачивалось в груди, словно щенок перед большой собакой.

Все это было счастьем.

***

Знаете, почему я не позвонила Вам раньше?

Потому что я боялась почувствовать то же самое. Или не почувствовать ничего.

II

- Я занимаюсь йогой с твоей бывшей учительницей, - говорит утром бабушка.

– С кем это? – спрашиваю я, отхлебнув чай.

– С Евгенией Михайловной. Она давно не работает в школе, теперь она тренер, очень гибкая женщина, это удивительно в таком возрасте, – бабушка ставит вымытые тарелки в шкаф и говорит без остановки. – Ее муж тоже йог. Смешной такой, лысый, как коленка. Заходит за ней после тренировок, и они вместе идут домой. Они живут где-то недалеко от нас. Иногда собаку выгуливают на

пустыре. У них, представь себе, дог. Дурной до невозможности.

Я не знаю, чему удивляться сильнее – новостям про Евгешу или тому, что бабушка увлеклась йогой. Я представляю ее в позе лотоса и с трудом давлю смешок.

- Мы однажды говорили о тебе. Она же прекрасно тебя помнит, расспрашивала, где ты живешь, чем занимаешься. Я ей сказала, будто ты замужем.

Во рту привкус горькой лимонной цедры:

– Зачем было врать?

– Просто сказала. Подумаешь, а что такого-то? – бабушка отворачивается к окну и поглаживает листья лимона. У нее на подоконниках целый ботанический сад. – И потом, ты тогда дружила с этим своим архитектором. У вас вполне могло получиться. Все к тому и шло. Мы с дедом ждали приглашения на свадьбу. Я даже купила вам чайный сервиз, – чем дольше она говорит, тем острее звучит в ее голосе обида. – Если хочешь, можешь увезти, что ему пылиться…. На антресолях коробка….

Она явно считает меня неудачницей. Мне хочется уйти, хлопнув дверью. Ненавижу чувствовать, что мое сокровенное, нутряное пытаются раскопать, проанализировать и раскритиковать, а я не могу защититься: бабушка старая, бабушка не вечная, она беспокоится, она меня любит и все такое. А я сижу перед нею, как оплеванная, и жалею о том немногом, что ей рассказала. Язык мой – враг мой.

– Там, в кладовке, остались твои вещи, – говорит она. – Посмотри, может, что заберешь.

На часах половина десятого. Мама ушла к подруге, дедушка на балконе читает газеты. Он увлечен желтой прессой и ежедневно скупает в киоске всю макулатуру, откуда можно узнать о проявлениях сверхъестественного: будто Фокс Малдер, все жаждет новых доказательств посещений нашей планеты инопланетянами.

– Лара! – окликает он меня. – Вот тут пишут, что у вас под Рязанью на полях снова нашли загадочные круги. Обязательно почитай!

В кладовке обитают два пакета и картонная коробка с моими вещами. Я высыпаю одежду на пол и понимаю, что это те самые шмотки, которые я в свой прошлый приезд просила отнести в Красный крест. Бабушке всегда было трудно расставаться с одеждой, если та, по ее мнению, еще выглядит *нормально*. Здесь мой бирюзовый костюм с огромными золотыми пуговицами, купленный на ночном рынке Новосибирска специально для экзаменов. Леопардовая водолазка, джинсовая рубашка с гипюровыми вставками, растянутый лыжный свитер, узкие черные джинсы, посеревшие от многочисленных стирок, майка с «Титаником», летние туфли на огромных каблуках (в них я каждый раз натирала ноги) - весь тот ужас, который я носила в старших классах до переезда. Бабушка сохранила даже лиловый мохеровый капор, купленный в девяносто седьмом году по тогдашней моде, под фиолетовый пуховик, похожий на огромное стеганое одеяло: помню, пух из капора постоянно лез мне в рот. «Может, еще поносишь», - сказала бабушка, и в ее голосе не было сомнения, что однажды наступит день, когда мне, непутевой, будет нечего надеть на голову, кроме этого несчастного капора. Мне хочется обнять ее и попросить прощения за то, что редко звоню, считаю глупостями ее вегетарианство и йогу, что в детстве не съедала ее суп, а выливала его в унитаз, что до сих пор не вышла замуж и ей приходится врать обо мне, что мне совсем не нужен с любовью выбранный ею чайный сервиз - я не зову гостей в свою крохотную квартирку на окраине города, обставленную такой же дешевой шведской мебелью, как множество других квартир. И обнять, знаете, как маленькая девочка – головой уткнувшись ей в живот.

Роюсь в картонной коробке – две анкеты, заполненные дворовыми подружками, блокнот с

рисунками и текстами песен, маленький альбом с марками (собирала в третьем классе), похвальные грамоты за отличные успехи и примерное поведение, диплом за первое место на конкурсе чтецов (Асадова декламировала со слезами на глазах, о рыжей дворняге), читательский билет в детскую библиотеку, телефонная книжка, ни один из номеров в которой мне больше не нужен, десяток кассет и большая фотография восьмого «А», на которой у меня закрыты глаза, а Санька волком смотрит в камеру. Почти все из этого пойдет на выброс: ненавижу лишний хлам. Пачка школьных тетрадей, невесть зачем сохраненных, вот – по химии за девятый класс: мои каракули, куча давно забытых формул, а в середине лежит розовое сердечко, открытка на Валентинов день. «Вы лучший», - написала я когда-то и у самого почтового ящика, висящего в школе у дверей в столовую, передумала отправлять открытку. Боялась, что Вы узнаете меня по почерку.

***

Мне грустно смотреть, как меняется город. Дело не в новостройках, которые расползаются во все стороны, словно щупальца спрута, а в исчезновении любимых мест. Не имело права закрываться кафе около универсама, где продавали вкуснейшее мороженое в металлических вазочках и густой молочный коктейль. Нет больше магазина «Букинист», в который я ходила на охоту за недорогими книгами. Казалось бы, кому сейчас нужен видеосалон – вместо него открылся очередной суши-бар. И да, я люблю суши, но от пропажи того волшебного места, куда мы, второклассники, тайком от родителей ездили на сэкономленные деньги, чтобы посмотреть «Кошмар на улице Вязов», мне немного не по себе.

Я иду мимо своей старой школы и почти решаю заглянуть внутрь, прогуляться по коридорам, найти кого-то из наших учителей. Но у самого крыльца (раньше здесь стояли корыта, в которых ученики без сменки мыли

уличную обувь) вспоминаю, что сегодня воскресенье, и прохожу дальше. В окнах столовой виднеются те же самые голубые столы и стулья, что были у нас. Едва доносится запах пшенной каши, не выветрившийся со вчерашнего дня. Когда-то мы ненавидели дежурить по столовой, брезгуя вытирать со столов липкие лужи какао и остатки размазанного обеда.

Виталий Алексеевич, я знаю, что Вы давно не работаете в этой школе. Санька писала мне, что Вы уволились вскоре после моего отъезда. И потом, когда у нас дома появился интернет, долгое время я ежедневно набирала в поисковике Ваши фамилию и имя: первой выпадала страница местного университета: Арсентьев В.А., доцент. Несмотря на это, я обхожу школу и смотрю на окна кабинета химии на втором этаже. Мне приятно на них смотреть, хотя там давным-давно нет ни нас, ни Вас.

Я помню, словно это было вчера, зеленые парты и таблицу Менделеева на стене, и бюст великого химика, и запах реактивов, и рисунки на своем столе, и растопыренные кактусовые лепешки в горшках, и как противно чешутся ноги от шерстяных колготок под брюками (опаздывала на урок, не успела снять в раздевалке). Вы сидите за столом и читаете журнал, пока мы пишем контрольную. Для меня Вы по-своему (то есть по-моему) красивы: округлое, без острых углов, лицо, внимательные серые глаза, завидно густые ресницы. На Вас голубая рубашка в полоску, темные джинсы и кроссовки – один шнурок развязался. Я смотрю на Вас и чувствую, что я – Ваша. Все, что есть во мне хорошего, готового любить, жаждущего держать за руку, гладить по щекам, пальцами приглаживать широкие кустистые брови, всем телом прижиматься, своим затылком впечатываться туда, где Ваши ключицы, - это все для Вас.

«Виталий Алексеевич, а вы пойдете сегодня на нашу дискотеку?» – спрашивают с задних парт. Сегодня – день Святого Валентина, едва ли не самый главный праздник

для тех, кому до шестнадцати. «Нет, Жанна, вам там и без меня будет с кем потанцевать», - отвечаете Вы с лукавой улыбкой, не отрываясь от журнала. Звонок. Поспешно дописываю решение. Сейчас будет ненавистная физкультура, перед которой надо переодеваться на глазах у других, потом нарезать круги по стадиону и потной, липкой идти на последний урок. Неделю назад кто-то забросил мою юбку в раздевалку к мальчикам, и все смеялись.

Иду дальше, через футбольное поле (на туфлях остается грязь от вчерашнего дождя), срезаю дорогу через детский сад, выхожу на улицу (здесь была кулинария, куда мы на большой перемене бегали за пончиками с повидлом) и сразу вижу Вас. Или мне только кажется? Вы стоите спиной ко мне на остановке и раньше, чем я успеваю понять, отчего так зашлось сердце, Вы заходите в дверь автобуса.

Я успеваю влететь следом. Краем глаза отмечаю, что Вы сели на первое сиденье, и остаюсь на задней площадке. Я стою спиной к Вам и не могу собраться с силами и подойти. Даже повернуться страшно. Сердце глухо бухает, как громкая музыка вдалеке, а воздух вокруг делается горячим и плотным.

Вы не видите меня, а я здесь. Это я, Лариса. Когда-то Вы учили меня химии. Я отвечала Вам у доски, от волнения заикаясь и забывая слова. Вы взяли меня под руку у школьных ворот, чтобы я не поскользнулась на раскатанной ледяной дорожке. Может быть, Вы помните, как в эпидемию гриппа мне стало плохо на Вашем уроке, и Вы отвели меня к медсестре, придерживая за плечи? И уж наверняка Вы не забыли, как я свернулась клубочком в Вашей кровати, укрытая с головой? Я притворялась спящей и со страхом думала, ляжете Вы рядом со мной или нет.

Мы переехали через мост: автобус неспешно везет нас в спальный район. Мимо проплывают пожилые

коренастые дома, бетонные заборы, заборы, заборы – промзона – и снова дома. В автобусе пахнет бензином, перегаром и копченой рыбой. Я оглядываюсь: Вы что-то читаете – кажется, журнал. У Вас по-прежнему на редкость хорошая осанка, а шея трогательно торчит из кашне. К Вам всегда хотелось подойти и поправить шарф.

Что за странная женская привычка – видеть в мужчине, сколько бы ему ни было лет, маленького мальчика, который нуждается в заботе?

Вдали появляются белые, как айсберги, новостройки. Вы прячете журнал в портфель и встаете у передней двери. Я хочу выйти на одной остановке с Вами. Если Вы узнаете меня, я подойду поздороваться, но пока я не знаю, чего хочу от этой встречи. Убедиться, что я ничего не смогла испоганить в Вашей жизни? Попросить прощения? На пару минут почувствовать себя пятнадцатилетней?

Мы выходим из автобуса. Я наступаю в лужу, чертыхаясь – холодная вода залилась в туфлю, прыгаю на бордюр и спешу за Вами. «Здравствуйте!» - говорю я громко, оказавшись рядом, и Вы оборачиваетесь на звук моего голоса, Вы вежливо улыбаетесь, Вы смотрите на меня, не узнавая, и тут я понимаю – это не Вы. Просто похожий человек.

На обратном пути в автобусе я без конца набираю Ваш номер и каждый раз слушаю длинные, как холодные макароны, гудки.

III

Виталий Алексеевич, я часто вспоминаю тот самый зимний День здоровья.

Вы же помните, как обычно проходят подобные мероприятия? Выезд на турбазу, веселые старты, лыжная эстафета, катание с горки на ногах или задницах, вечером – дискотека и посиделки по номерам с контрабандным алкоголем. Всем весело, иногда бьются стекла, кто-то

засыпает в бильярдной, кого-то тошнит в коридоре. Утро наступает поздно, весь класс мается похмельем, учителям не легче, поправить здоровье нечем.

Я всегда терпеть не могла лыжную физкультуру. Получаешь древние покоцанные лыжи, неудобные ботинки и пару палок, тащишь на улицу все это хозяйство, стараясь ничего не выронить, и бродишь кругами по утренним мерзлым сумеркам ближайшего парка, по иронии судьбы – в таком же, как у физрука.

Тащишься медленно, как пожилой пони в зоопарке. Хочется домой, валяться под музыку с книжкой или пить чай с зефиром. Снежные парковые красоты остаются незамеченными: сопли мешают дышать, лицо горит от холода, ненадежные крепления то и дело выскальзывают из-под ног, в ботинки забился снег, лыжи плохо скользят, а позади бежит физрук и кричит: «Толкайся задними ногами!» Все это далеко от образа румяных веселых лыжниц, изображенных на календаре в кандейке физрука.

На День здоровья я поехала только оттого, что там могла увидеть Вас.

Турбаза «Юность» была скромной и походила на лагерь, в котором я когда-то провела тоскливый, дождливый август с тремя девочками в палате, нищенской библиотекой и жестокой невозможностью уединения. Вся турбаза – три длинные двухэтажные кишки корпусов (душевые и туалет – на этаже) и здание столовой на отшибе. Кресла в холле, казалось, стояли здесь не меньше тридцати лет и оглушительно пахли чем-то старческим.

К расстройству моему, не смогла поехать Санька – сказала, что заболела. Меня поселили в номере с девочкой, с которой больше никто не хотел жить, и это порядком испортило мне настроение. Возможно, Вы помните ее – Лина, полноватая, с угреватым лицом и вечной коростой на губе. Находиться рядом с ней было неприятно и даже брезгливо. Меня тоже не любили, но у меня была Санька, а с Линой не дружил никто. Казалось, ее это не беспокоило:

она смотрела на всех чуть выпуклыми и равнодушными, как у рыбы, глазами. Если в классе случалось что-то смешное, она не смеялась, а едва корчила губы то ли в улыбке, то ли в гримасе. От нее одновременно пахло потом и ванильной туалетной водой.

В классе ходили слухи, будто Лину бьет отец.

Мы почти не разговаривали. Вечером Лина лежала на кровати, как была, в вязаной кофте, облепленной кошачьей шерстью, и читала любовный роман в мягком переплете. Я тоже взяла с собой книжку, но сидеть в одной комнате с Линой не хотелось и еще больше не хотелось быть, как Лина. Знаете, я ведь люблю одиночество, всегда любила, но в тот вечер меня потянуло на дискотеку в столовую, где уже вовсю бурлило варево из вырвавшихся на свободу десятиклассников: влиться в толпу, выпить пива, поплясать, как умею. Чтобы все было бестолково, весело и под дурацкую музыку.

Некоторые моменты жизни въедаются в память, как невидимая татуировка. Случайные, вроде бы ничего не значащие, но стойкие – не вытравить. До сих пор мне остро помнится, как я спускалась с высокого крыльца турбазы, осторожно ступая по скользким ступенькам. Небо было темно-фиолетовое, такое неровное, лохматое из-за вихрастых облаков. Беззвездное. Сугробы переливались нежным светом, словно лунный камень. По обе стороны от крыльца стремились в небо две треугольные голубые ели. А Вы шли мне навстречу, в расстегнутом пальто, без шапки, со снежными звездочками в темных волосах, красивый и статный, как романтический герой, как рыцарь, победивший дракона, Вы шли и улыбались, и на какую-то долю секунды мне показалось, что сейчас Вы заговорите со мной. Но выскочила на крыльцо Инночка – наша историчка, суматошная, с пушистой прической, похожая на одуванчик, и крикнула Вам весело: «Виталя, ты в бильярд будешь?». Вы подмигнули мне, подбежали к ней, прыгая

через ступеньку, и оттуда, сверху вниз, сказали мне строго: «Лариса, сейчас же наденьте капюшон!»

***

О том, что случилось в конце дискотеки, я раньше не говорила Вам, а сейчас, пожалуй, вкратце расскажу. Был объявлен белый танец. Чтобы не стоять у стенки как та, которую никто никогда, я пригласила кавалера из числа тихонь (можно, я не буду называть его имя?). Когда танец закончился, он, оставив меня, подошел к Жанне и сказал ей что-то, а та громко фыркнула и заявила на весь зал: «Да от нее ссаньем несет!» Все засмеялись, и все бы ничего, но там оказалась Лина и хохотала вместе со всеми так, будто наконец-то стала частью коллектива.

И еще это непонимание: только что мы с ним медленно покачивались под музыку (*«Oh you'd better stop before you tear me all apart….»),* он гладил меня по спине и дышал мне в ухо, мои ладони прижимались к его лопаткам – к теплому, живому, настоящему мальчишечьему телу *(«…ooh you'd better stop...»),* я чувствовала его дыхание, во мне начинало бродить, пузыриться желание, волнение, предчувствие поцелуя….

Жанну-то Вы помните наверняка: королева, отличница, всеобщая любимица, как сейчас принято говорить – лидер, как всегда считала я – стерва. Она перевелась на нашу школу год назад и моментально покорила почти всех. Мне же доставалось от нее ежедневно, а я не могла ей ответить. Все давно прошло и отболело, не будем о ней вспоминать, но до сих пор я не могу понять, что творилось с этим человеком. Что было в ее душе искаженного, больного, требующего постоянно кого-нибудь высмеивать и унижать?

***

Я шла между корпусов и плакала, вытирая глаза замерзшими ладонями. Щеки мои горели. Из диско-зала

доносилось лихое: «Крошка моя, я по тебе скучаю!» Накатила обида, смешанная с усталостью, как под конец неудачного дня: вроде и не о чем плакать, все ерунда, пустое, а слезы не утихают.

Мне отчаянно нужен был человек. Или хорошая книга. Но лучше – человек, которому я была бы не совсем безразлична. Такого здесь не было, и я сидела в коридоре нашего корпуса - там, где в узкий аппендикс втиснули три кресла и старый телевизор. Показывали какой-то старый детектив про украденные драгоценности, а следом фильм, где герой разрывался между женой и не женой, а та, которая женой ему не была, грызла губы и провожала его злым взглядом. Я засыпала, съежившись в кресле, просыпалась, резко вздрогнув, меняла позу, растирала затекшие ноги, пыталась следить за актерскими страданиями и снова погружалась в тяжелую дремоту.

– Лариса, что вы здесь делаете? Почему вы не у себя в номере? Вы знаете, какой час?

Я помотала головой, с трудом выплывая из мутного полутелевизионного сна.

– Половина второго. Все спят давно, кроме двадцать четвертого номера, – сказали Вы, устало опускаясь в соседнее кресло. – Иди же к себе, что ты сидишь?

– Я лучше тут побуду, – ответила я, сдерживая слезы. – Я не хочу туда.

- Тебя кто-то обидел? Твой мальчик?

Вы говорили со мной, словно с маленькой девочкой. Даже на «ты», не на «вы», как всегда обращались к ученикам. В другое время это было бы досадно, но сейчас хотелось только, чтобы меня покачали на ручках. Я уже не скрывала, что плачу, и мне было стыдно поднять на Вас глаза.

- Хочешь, я позову кого-нибудь? Инну Максимовну или кого-то из девочек?

– Можно, я лучше еще немного здесь одна посижу? – тихо попросила я.

Вы сказали:

– Нет, так нельзя! Пойдем! Пойдем со мной.

Вскоре я лежала в Вашей постели, в одежде, как была, не сняв даже шерстяных колгот. Лежала, отвернувшись к стенке, под клетчатым байковым одеялом. Меня бил озноб не то от волнения, не то от начала простуды, а Вы сидели рядом со мной и говорили:

– Ты очень красивая, Лара. Ты сама еще не понимаешь, какое лицо у тебя удивительное. Через несколько лет мужчины будут за тобой в очереди стоять.

– Правда? – глухо спросила я из-под казенного одеяла.

– Конечно, правда.

Вы повторяли: «Лара, ты красивая, у тебя все будет хорошо, все обязательно будет хорошо», и гладили меня по растрепанным волосам, по плечам, по спине, как ласкают кошку, задерживали теплую руку на оголенной шее. Я вжалась лицом в подушку, замерла, принадлежала Вашей ладони, чуть всхлипывала от невозможного такого счастья. Весь мир и весь космос сжались сейчас до размеров этой неприбранной, по-казенному обставленной комнаты. За окном шептала ночь, выдыхала ветром, она скрипела по снегу валенками охранника, лаяла далекой собакой, а в соседнем номере, кажется, занимались любовью, но это было настолько не здесь, насколько только возможно.

– Спи, моя хорошая, – сказали Вы, плотнее меня укрывая. – Спокойной ночи.

Вы убрали руку, а я продолжала чувствовать Ваши прикосновения всем позвоночником.

Я боялась засыпать, боялась проснуться в кресле перед телевизором, замерзшая, скрюченная и совсем ничья. Свернувшись калачиком, я слушала, как Вы ходите по комнате, и ждала, когда Вы ляжете рядом со мной. Остаток ночи, даже во сне, я хотела знать, что Вы рядом, а это лучшее, что может случиться с человеком. Под одеялом я сцепила руки в замок, и мне казалось, что вторая рука – не

моя, а Ваша. Я представляла себе, как целую Ваши ладони, как пальцами вожу по линиям, предрекающим долгую жизнь и счастливую любовь, и таяла, изнывала от нежности, терпкой, словно ароматы восточных специй. Этой ночью Вы были не моим учителем, а самым родным моим человеком.

Вы так и не пришли в свою постель. Не знаю, где Вы провели остаток ночи. Когда я проснулась, стояла мертвая утренняя тишина, было холодно даже под одеялом, сквозь оконные щели сквозили струйки противного серого тумана; в комнате я была одна. Я чувствовала себя разбитой и помятой, будто и часа не спала. На стуле комком валялся Ваш свитер. Я прижала его к груди, ткнулась щекой в его колючую темно-синюю шерсть и с ним в обнимку легла в постель, тщетно пытаясь уловить Ваш запах - от свитера пахло только стиральным порошком.

Я аккуратно прикрыла дверь и пошла умываться. Часы в холле показывали половину шестого, и в коридоре было так тихо, словно кроме меня на турбазе ни души. Из зеркала искоса поглядывала на меня барышня бледная, лохматая, с опухшими глазами, красивая ли? – да ничуть. Я прислонилась к кафельной стене и быстро, в несколько всхлипов, выплакала в ладони ночное свое счастье и невесть откуда возникшее одиночество. Тем утром я не хотела Вас видеть.

***

Тогда я заболела и две недели провела дома с осипшим горлом. Было больно даже шептать. Дома я изнывала от скуки, читала все подряд и много спала. По вечерам я набирала Ваш номер, найденный в телефонном справочнике, глубоко вдыхала Ваше «Алло» и немедленно клала трубку.

Трижды в неделю я ходила на процедуры в поликлинику, и однажды вместо этого я поехала к Вашему

дому. Было морозное февральское утро, мерзкое и заиндевевшее. Я сидела на утопленной в снегу детской площадке, расчистив край скамейки, лицо прятала за шарфом, давилась кашлем и пыталась догадаться, какие из окон Ваши. Я не надеялась увидеть Вас, мне достаточно было смотреть на Ваш дом, чтобы внутри стало щекотно и захотелось возвращаться вприпрыжку.

Вы улыбаетесь? Или Вам противно вспоминать обо мне?

Я еще несколько раз приезжала к Вашему дому, и однажды мне повезло. Я сидела на своем обычном месте, когда дверь подъезда отворилась. Сначала оттуда проковылял толстый кокер-спаниель, а потом появились Вы. Спаниель был ленив и медлителен, вероятно, от старости: сделав на газоне свои дела и обнюхав дерево, он уселся перед Вами и всем своим видом давал понять, что прогулка окончена. Такой славный пес! Мне было охота его погладить.

О чем еще Вам рассказать? Как однажды Вы пошли с нашим классом в театр? Мы смотрели тогда «Трех сестер», по программе, Вы сидели между мной и Инной Максимовной. В первом же акте я случайно положила свою руку на Вашу - Вы убрали руку почти сразу, но в этом секундном «не сразу» уместилась моя робкая, дрожащая надежда на ответное тепло и мимолетную ласку. Сидеть рядом с Вами было невыносимо, и после антракта я поменялась местами с Санькой.

Я перебираю воспоминания, словно заново собираю лопнувшие жемчужные бусы, и каждая бусинка в моей руке – теплая.

Бусинка – лабораторная по химии: Вы стоите у меня за спиной и смотрите, как мы с Санькой пытаемся получить в пробирке розовую жидкость.

Бусинка – на перемене Вы ловите меня за рукав и, улыбаясь, говорите: «У вас на щеке следы от ручки!»

Бусинка – на школьной дискотеке я, осмелившись, приглашаю Вас на медленный танец. Мы танцуем на безопасном расстоянии, как пристало учителю и ученице: моя рука на Вашем плече, Ваша – у меня на спине. «*Oh you'd better stop before you tear me all apart….».* Мы разговаривали, но о чем – не помню, весь танец я вся была там, где лежала Ваша рука, и мечтала навсегда запомнить Ваши прикосновения, законсервировать их, чтобы в грустную минуту глаза закрыть и погрузиться в то медовое предвкушение, шелковые весенние дни, скользящие между пальцами.

Бусинка – из окна класса я смотрю, как Вы идете к воротам, становясь все меньше и меньше.

Бесценно.

Виталий Алексеевич, дорогой мой, я не знаю, как можно сказать «я больше не люблю». Вот что я знаю точно – там, где любилось, не леденеет, и пусть не рвется больше и не горит, но рано или поздно остается главное – теплота, тихая нежность, грустная радость от былого.

***

Однажды настал день, в котором я спросила у Вас: «А вот если бы Вы не были моим учителем, могли бы мы тогда дружить?»

Помните, как это было? Мы вместе вышли из библиотеки, где встретились случайно, и брели через сквер, а за нами гналась воздушная, птичья весна. В воздухе акварельно пахло тюльпанами, талой водой и влажными камнями. Остатки серо-голубого снега расползались под ногами жидкой кашей. Во всем сквере мы были одни.

– Слышала такую поговорку, – назидательно ответили Вы мне, – кабы бабушка не бабушкой была, то была бы дедушкой?

– Вот когда я закончу школу…, – начала было я, но Вы оборвали меня, взяв за запястье:

– Стоп. Только не надо ничего загадывать. Тут завтра не знаешь, что будет.

Мне не понравилось, как Вы говорили – тихо, осторожно, словно ватой оборачивая каждое слово.

- Скажите мне, Виталий Алексеевич, только честно: я Вам нравлюсь?

– Лариса! – Вы покраснели. – Такой разговор сейчас неуместен.

– Можете ответить честно? Один только раз! Я никогда больше Вас об этом не спрошу!

– Лариса, я думаю, нам не надо общаться помимо уроков. Понимаете, такое иногда случается. Вы девушка милая, ранимая, очаровательная, но вы должны понимать! Вот как мне вам объяснить?

– Я понимаю. Вы… я бы для Вас… я бы всё!

Вы отчаянно схватили меня за плечи и с силой прижали к себе:

– Хватит. Всё. Поговорили и будет. Не плачьте. Только не надо плакать.

Я и не плакала. В тот момент мне не было больно. Я упиралась локтями Вам в грудь и представляла себе, что существует некая параллельная реальность, в которой я уже учусь на первом курсе, мы живем вместе, Вы ходите по квартире в трусах, я жарю оладьи субботним утром и выгуливаю Вашего толстого пса, мы играем в теннис, вместе ходим в бассейн, летом ездим на шашлыки, по вечерам я готовлюсь к семинарам, а потом мы валяемся в кровати и смотрим фильмы. Где-то там Вы целуете меня перед уходом на работу. Я прижималась к Вам и чувствовала себя взрослой, красивой, изящной – такой, какой еще не была, но – буду, теперь я доподлинно знала, что буду.

«Можно, я один раз только?» – спросила я шепотом. Кажется, Вы не услышали меня, а я обеими руками обхватила Вас за шею и поцеловала – Вы увернулись – в левый уголок губ. В сквере стало еще тише.

Вы выпустили меня и растерянно погладили по голове, как ребенка: «Не надо было» – «Простите!» – «Да ничего. Хватит. Хватит. Давайте по домам, хорошо?»

– Простите, – еще раз сказала я, глядя под ноги. Ботинки, забрызганные весенней грязью, на левой ноге колготки пустили тонкую, как шрам, стрелку. Надо домой, писать реферат. В понедельник сдавать. Еще химия и сочинение. Постараться не думать, не вспоминать, твердила я себе.

– Здравствуйте, Виталий Алексеевич! Расскажите-ка мне, что у вас здесь происходит! Я уже давно за вами наблюдаю.

Евгения Михайловна стояла в двух шагах от нас, довольно щурилась и в нетерпении переминалась с ноги на ногу, словно собиралась бежать куда-то – спасать мир.

***

Рассказывать дальше?

Как Евгеша пришла к нам домой и разговаривала сначала с моей мамой, а потом со мной? Как мама назвала меня проституткой и обещала написать заявление в милицию? Как они обе уговаривали меня не врать, хотя я говорила чистую правду? Как мне устроили домашний арест? Как я просила маму уехать куда угодно, лишь бы никогда больше не видеть Вас?

Как в поезде, увозящем меня к тете в Рязань, понимала, что я позорно сбегаю, оставляя Вас доказывать свою невиновность?

Трусиха. Дура. Предательница.

IV

Я иду через сквер к Вашему дому, ветер в спину, и мысленно представляю себе наш разговор:

– Здравствуйте, Виталий Алексеевич.

– Здравствуй, Лариса.

Или нет:

– Здравствуйте.

– Это же я, Лариса. Вы преподавали нам химию десять лет назад.

– А, да. Помню.

– Как Ваши дела?

– Все хорошо, а вы как?

– Тоже хорошо.

Мягкий осенний свет окутывает сквер, небо ясное, доброе. Шепчутся деревья, играют сухими листьями в подкидного дурака. На игровой площадке детские крики сливаются в воробьиный гвалт. Три девочки скачут в резиночку – думала, сейчас такого не увидишь.

Ощущение спокойствия и уюта. Как если разбираешь шкатулку с бабушкиными украшениями. Издалека медленно, из прошлого века, выплывает здание дома культуры с белыми колоннами.

Кудрявая девочка в распахнутом красном пальтишке с папой кормят голубей батоном. Один из сизарей, привыкших к людям, за кусочком сдобы приземляется девочке на руку. Ей одновременно хочется расхохотаться и жалко спугнуть птицу, смешинки бегают по ее круглому личику россыпью, как веснушки, и от нее невозможно отвести глаз. Я узнаю ее отца.

В сумке моей завалялась половинка булочки, позавчера купленной в аэропорту. Я подхожу ближе, разламываю булку, присаживаюсь на корточки и кидаю в стаю сухие крошки. Голуби сминаются в крылатую воркующую кучу. Я смотрю на Вас снизу вверх: Вы почти не изменились. У Вас другая оправа. Волосы подстрижены короче, чем когда-то. Золотой ободок кольца на руке, подставленной голубю.

На душе становится тепло, будто к ней, замерзающей, приложили грелку.

Бросаю голубям последние крошки, поднимаюсь на ноги и, поправив шарф, прохожу мимо Вас, не останавливаясь.

– Здравствуйте, Виталий Алексеевич, – на ходу говорю я Вам.

– Здравствуйте, – равнодушно отвечаете Вы.

Я иду домой. Завтра будет очередной хороший день, наполненный общением с моими стариками и прогулками по родному городу, а послезавтра у меня самолет. В сердце нет сожаления, все так просто: Вы есть. Вы – есть! Спасибо!

Я шуршу по траве и чувствую, будто во мне играет вальс – *когда уйдем со школьного двора та-да-та, та-да-та-та, та-да-тата….*